

23. Об утверждении основных направлений государственной градостроительной политики Республики Беларусь на 2016-2020 гг. : Указ Президента Респ. Беларусь от 5 сентября 2016 г. № 334 // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. – Минск, 2020.

24. Потаев, Г.А. Современное состояние и перспективы развития «зеленого» градостроительства в Республике Беларусь / Г.А. Потаев, В.А. Сыроева // Архитектура: сборник научных трудов. – 2018. – Вып. 11. – С. 116-123.

25. «Зеленые города» о современных инструментах городского развития на пресс-конференции в БелТА [Электронный ресурс]. – Минск, 2020. – Режим доступа : <http://greencities.by/zelenye-goroda-o-sovremennyh-instrumentah-gorodskogo-razvitiya-na-press-konferentsii-v-belta/> – Дата доступа : 26.01.2020.

26. Mehlhorn, D.-J. Stadtbaugeschichte Deutschlands / Dieter J. Mehlhorn. – Reimer Verlag : Berlin. – 2012. – 395 с.

27. Greiving, S. Klimawandelgerechte Stadtentwicklung. Ursachen und Folgen des Klimawandels durch urbane Konzepte begegnen : ein Projekt des Forschungsprogramms “Experimenteller Wohnungs- und Städtebau (ExWoSt)” / Bundesministeriums für Verkehr, Bau und Stadtentwicklung (BMVBS), Bundesinstitut für Bau-, Stadt- und Raumforschung (BBSR). – Bonn, Germany, 2011.

28. Benzel, L. Konzepte und Inhalte der Raumordnung / L. Benze, H.-J. Domhardt, T. Kiwitt, M. Proske, C. Scheck, T. Weick, // ARL – Akademie für Raumforschung und Landesplanung : Grundriss der Raumordnung und Raumentwicklung. – Hanover, 2011.

29. Guiding Urban Concepts and Climate Change in Germany's Urban Planning Practice : A review of the recent academic discourse / Project “Cities Fit for Climate Change”. – Gesellschaft für Internationale Zusammenarbeit (GIZ) : Bonn, 2018. – 31 p.

30. Knieling, J., Klimawandel und Siedlungsstruktur: Anpassungspotenzial von Leitbildern

und Konzepten / J. Knieling, N. Kretschmann, L. Kunert, T. Zimmermann : Neopolis working papers, Nr. 12. – Hamburg, 2012.

31. Korb, J. Klimaanpassung als Aufgabe der Stadtentwicklung. / J. Korb, D. Kurth // Neue Leitbilder und Anpassungskonzepte am Beispiel der Region Stuttgart. – Raumplanung H. : Stuttgart, 2016. – pp. 16–23.

32. Зеленое градостроительство в Республике Беларусь [Электронный ресурс] / Проект «Зеленые города». – Минск, 2020. – Режим доступа : <http://greencities.by>. – Дата доступа : 26.01.2020.

INFLUENCE OF CLIMATE PROOFING ASPECTS ON URBAN PLANNING IN BELARUS

Sysoyeva V.A.

PhD, Associate Prof. Urban Planning Department, Belarusian National Technical University

The paper observes the rising importance of the climate proofing agenda in urban planning approaches in Belarus. Based on the systemization of existing Belarusian and international studies, as well as on the green urban planning experience which was gained within the framework of the UNDP-GEF-Ministry of Natural Resources and Environmental Protection of the Republic of Belarus Project "Green Cities", the paper identifies Urban Planning Concepts with regard to their contribution to achievement of urban resilient and sustainable form. The author provides an adapted list of climate proofing principles matching the named Urban Concepts: Redundancy, Diversity, Interdependency / Duplication, Risk Resistancy, Robustness.

The article argues that locally adapted spatial strategies are needed to succeed in reaching urban sustainability. Urban and regional territorial planning should ground on refined and improved Urban Theories in Spatial and Urban Planning that contribute to sustainability, climate change mitigation and adaptation.

Поступила в редакцию 31.01.2020 г.

УДК [711.424] (476)

ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ЦЕНТРА МАЛОГО ГОРОДСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ БЕЛАРУСИ В ПЕРИОД РАЗВИТИЯ РЕГУЛЯРНОЙ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ (НА ПРИМЕРЕ КОБРИНА)

Януш А.П.

магистр архитектуры, ассистент кафедры «Градостроительство» Белорусский национальный технический университет

Целью настоящего исследования является характеристика исторического развития планировочной структуры и основной застройки Кобрин в XVI – XVII вв., выявление принципов регулярного средневекового градостроительства воплотившихся в формировании центральной части города.

Введение. Среди работ по истории белорусского градостроительства следует выделить исследования Ю.В. Чантурия, им было подтверждено в отношении небольшой северо-западной части Беларуси,

а для остальной ее территории выявлено существование регулярного средневекового градостроительства [1, с. 166].

Описание элементов планировки и застройки городов по архивным источникам приведено Ю.А. Якимовичем [2].

В 1858 г. П.М. Шпилевский дал краткую информацию о посещенных им городах – Заславле, Игумене, Клецке, Кобрине, Койданово, Столбцах [3].

В работах, изданных под редакцией П.П. Семенова [4], В.П. Семенова [5], кратко описываются губернские, уездные и заштатные города и местечки – Кобрин, Поставы, Ружаны.

Отрывочные описания сооружений и элементов планировки населенных мест, многообразные статистические данные по Гродненской губернии приводит П.О. Бобровский (Дрогичин, Кобрин, Пружаны) [6].

Важным источником по истории Кобрина данного периода являются материалы ревизии Кобринской экономии, одна из которых была проведена Дмитрием Сапегой в 1563 г. по распоряжению короля Сигизмунда Августа [7], другая – в 1597 г. [8].

Основная часть. Для анализа планировки Кобрина автором использованы планы города конца XVIII – начала XIX в., которые дают возможность обоснованно представить структуру города во второй половине XVI – XVII вв. К ним относятся: фиксационный план «Литовской Губернии Кобринского Уезда Уездный город Кобрин», составленный в конце XVIII в. (после 1795 г.) до разработки проекта его классицистической реконструкции (научно-проектная работа «Историко-архитектурное и инженерное обоснование регенерации исторической застройки г. Кобрина», БелНИИПградостроительства, Белреставрация, 1987 г. Раздел «Комплексные научные изыскания», объект 248-84, приложения V-1, авторы раздела С. Багласов, В. Бакаев, О. Гудкевич и др.) (рис. 1); фиксационно-проектный «План города Кобрина с предполагаемым прожектом. Сочинен 1809-го

года мая месяца» (РГАВМФ, ф. 3 л., оп. 24, д. 447, л. 1). Данный документ впервые введен в научный обиход автором (рис. 2).

Рис. 1. План центральной части Кобрина конца XVIII в.

В ранний период своего развития Кобрин имел структуру, типичную для древнерусского градостроительства в условиях равнинной местности Полесья. На левом берегу р. Мухавец, вдоль ее русла на двух близко размещенных соседних холмах примерно одинаковой площади сложились детинец и окольный город (позже – Верхний и Нижний замки, или «Высокий» замок и «Пригородок»). Неподалеку от западного, более высокого холма с детинцем в Мухавец впадала р. Кобринка. Возле холма окольного города Кобринку с Мухавцом соединяла возможно искусственная протока так, что оба укрепления оказывались на большом острове.

Очевидно, после получения в 1589 г. магдебургского права свободно сложившаяся структура центра города была преобразована по канонам средневекового регулярного градостроительства. Планировочным ядром обширных селитебных территорий в южной части города стала новая главная площадь на левом берегу Кобринки, возможно занявшая место старого торгового места.

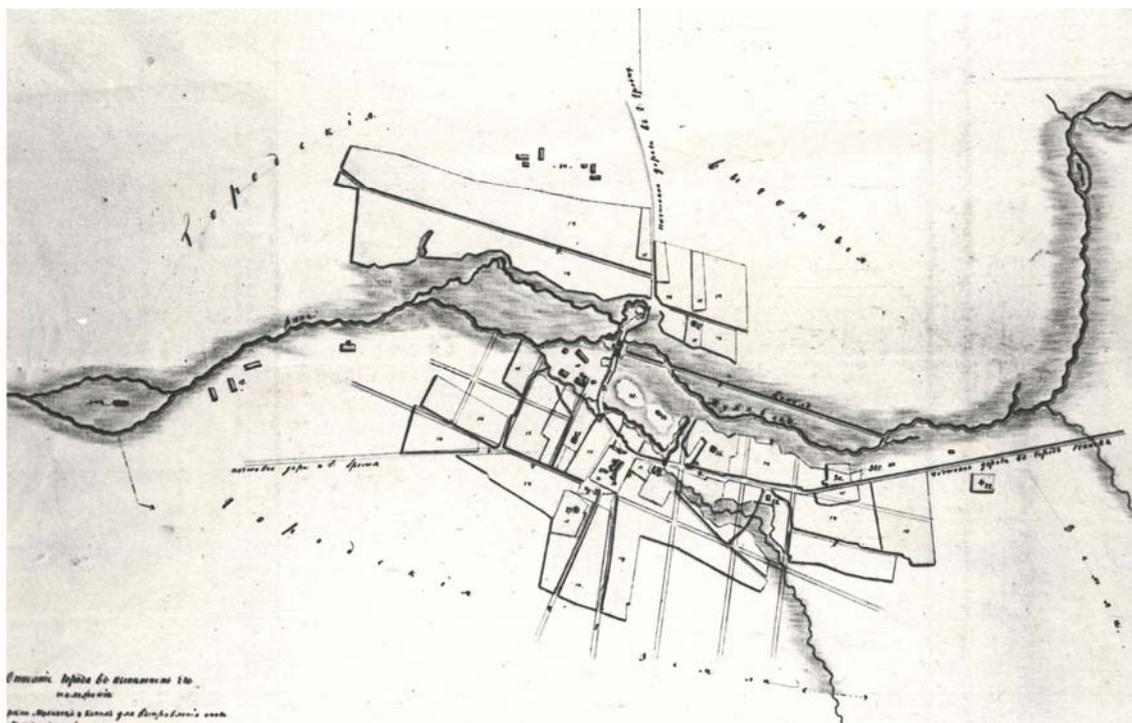

Рис. 2. План Кобрина с предполагаемым прожектотом 1809 г.
(публикуется впервые)

Главная площадь была создана заново или реконструирована с целью ее существенного расширения, создания благоприятных условий для торговых операций, собраний горожан и размещения ратуши. Можно предположить, что нерегулярный старый древнерусский торг стал тесен для проведения дважды в год ярмарок и еженедельной, однодневной рыночной торговли. Площадь получила регулярные очертания в виде вытянутой в меридиональном направлении равнобедренной трапеции с короткими боковыми сторонами.

Отсутствие необходимых графических и текстовых документов не дает возможность установить территорию Кобрина в XVI-XVII вв. Известно только, что в основной части города («месте») на левом берегу Мухавца в 1597 г. было 335 усадебных плацев, а в правобережье – Замухавецком предместье – 115 [2, с. 163]. Однако, даже с учетом естественного расширения границ селитьбы к XVIII в. можно утверждать, что размеры площади (основания трапеции – 200 и 160 м, высота трапеции – 110 м) были велики по от-

ношению к территории всего города сравнительно с другими белорусскими поселениями.

Анализ плана конца XVIII в. дает основание утверждать, что в процессе урегулирования в эпоху готических преобразований была создана новая система прямолинейных улиц разной протяженности и ширины, отходящих от трапециевидной площади.

Готическая планировочная сеть Кобрина имеет специфические особенности. Кроме редкой трапециевидной конфигурации площади своеобразие городу придает прием асимметричного, лучеобразного примыкания к ее углам улиц, которые не являются прямолинейными продолжениями сторон площади, а составляют с ними тупой угол. Таких направлений, асимметрично подходящих к углам, было три – улицы Слушная (совр. 7-го сентября), Пинская (совр. Первомайская) и Ратенская (совр. Интернациональная).

Наблюдается также типичное для регулярного средневекового градостроения прилегание других коммуникаций как

прямых продолжений сторон площади. Это улицы Брестская (Советская) и Малая Свинская (Октябрьская). Примечательно примыкание улицы Губернской (Суворова) посередине южной стороны площади, являющейся боковой стороной трапеции, а улицы «Малой от рынка до церкви Пречистенской» (Матросова) – посередине западной стороны площади, служащей большим основанием трапеции. Такое примыкание свидетельствует о начальном влиянии ренессанса на планировку центра.

Размещение храмов в плане города обнаруживает слабо выраженную тенденцию формирования композиционного равновесия объемов относительно общественного пространства рыночной площади. На одной оси, по ориентации близкой к широтной, к западу и востоку от площади располагались соответственно униатская церковь Св. Богородицы и костел, названный в экспликации к плану конца XVIII в. «шпитальным» (1500 г.). Одновременно отметим, что расстояние от западной стороны площади до апсидной стены церкви Св. Богородицы втрое превышало отрезок от восточной стороны площади до главного фасада костела. Расстояние от главного фасада этой церкви до западной стороны площади равнялось ширине площади.

К югу от торга, также внутри квартала размещалась униатская церковь Св. Петра (1465 г.). Ее западная, фронтальная стена находилась на умозрительном продолжении западной стороны главной площади. Между рынком и церковью в XVIII в. существовало небольшое общественное пространство, частично открытое к рынку. По функции оно было предхрамовой, культовой площадью – типичным для Средневековья и более позднего времени градостроительным объектом.

Вблизи северной стороны главной площади храмов не было. Однако на северо-запад и северо-восток от рынка, соответственно к западу от Верхнего замка и к востоку от Нижнего замка стояли соответственно базилианская монастырская

церковь Св. Спаса (1465 г.) и фарный (приходский) костел. Они размещались на оси, почти параллельной вышеуказанной оси: церковь Св. Богородицы – шпитальный костел.

К южной стороне торга подходила улица, позже названная Губернской, умозрительное продолжение которой представляло собой меридиональную ось рынка, которая, будучи продолженной на север, трассировалась точно между холмами Верхнего и Нижнего замков.

Так, относительно этой условной оси обнаруживалась тенденция композиционно-пространственного равновесия градостроительных элементов. С запада – Спасская церковь базилианского монастыря, Верхний замок, церковь Св. Богородицы. С востока – Нижний замок, фарный костел, шпитальный костел.

Изложенную идейность взаимного упорядочения, своеобразной геометризации расположения доминирующих объемов необходимо дополнить трассировкой умозрительных осей иного рода. Эти оси соединяли храмы в соответствии с известным в истории белорусского градостроительства принципом постановки объектов на оси с незначительным отклонением их в обе стороны [1, с. 59, 64, 77, 89]. С запада от главной площади образовалась цепочка элементов: Спасская церковь, церковь Св. Богородицы, церковь Св. Петра. С востока сложилась цепочка: приходский костел, шпитальный костел и, снова, церковь Св. Петра. Обе цепочки сформировали треугольную структуру с вершиной в виде комплекса построек культовой площади церкви Св. Петра.

Кроме метода выявления умозрительных композиционных осей, структурирующих взаимное положение доминант, применен метод обнаружения равенства расстояний между центрами планов доминант (цветная вкладка рис. 3).

Центр плана шпитального костела служил своеобразной опорной, или узловой точкой, от которой расстояния до центров планов церквей Св. Петра, Св. Богородицы и приходского костела

равнялись между собой. Так, наблюдалось равенство трех отрезков.

Помимо того, расстояние от центра плана храма Св. Богородицы до центров планов церквей Спасской и Св. Петра также были равны. Наконец, отрезок между центрами планов церквей Спасской и Св. Петра равнялся отрезку между центрами планов фарного костела и церкви Св. Николая (1458 г.) в Замухавечье.

Можно заключить, что планировочная структура Кобрина демонстрирует синтез градостроительных идей и, одновременно, материальных художественных компонентов города, представляющих средневековые восточнославянские урбанистические принципы и западно-европейскую готическую традицию. Регулярная трапециевидная площадь – типичный для католических стран пространственный элемент, вошла как органичное включение в древнерусский в основе средовой контекст, создав целостный, специфичный для данного города симбиоз приемов и форм.

Общественный центр Кобрина в XVI – XVII вв. принадлежал к компактному двухчастному типу. Исторически первичную одну часть составляли Верхний и Нижний замки, другую часть – архитектурный комплекс главной площади и участков примыкающих улиц.

Идеализированная схема, или модель структуры общественного центра приведена на (цветная вкладка рис. 4).

Инвентарное описание замков 1597 г. дает их подробную картину [9, т. XIV, с. 552-564]. Оборонительную стену Верхнего замка составляли 32 городни, выстроенные на валу почти по окружности в соответствии с очертанием верхней площадки холма диаметром около 56 м. Среди них возвышались 8 башен, размещенных с равными интервалами по 5 городен и завершенных гонтовыми шатрами.

Существует также мнение, что в конце XVI в. Верхний замок был обнесен каменными стенами с многоярусными деревянными башнями [10, с. 243].

Можно констатировать, что Верхний и Нижний замки в конце XVI в. являлись «многофункциональным комплексом, сочетавшем в себе оборонные, жилые, административно-хозяйственные и производственные черты» [2, с. 163].

Анализируя замки как важнейшую составляющую общественного центра города, для ориентировочного установления территории центра, следует включить в его структуру общественные здания, близко расположенные к замкам с запада и востока. Это способствует пониманию центра в качестве пространственно компактного образования, благодаря своей целостности обладающего эстетическими свойствами.

С западной стороны к Верхнему замку примыкал комплекс сооружений Спасского монастыря – церковь, каплица, производственные и другие объекты. С востока в общественный центр входил комплекс построек поблизости от Нижнего замка – приходский костел, плебания при нем и хозяйственные строения.

Вторая структурная часть общественного центра – комплекс застройки главной площади. С точки зрения планировочной формы, отражающей функциональное содержание во всех его составных элементах, архитектурный комплекс площади был достаточно развитым.

На основании анализа плана города конца XVIII в., немногочисленных литературных источников и с учетом традиции преемственного формирования городской среды на протяжении столетий можно выделить структурные составные элементы комплекса площади в XVI-XVII вв., являющиеся архитектурными объемами или архитектурными пространствами.

К ним относились: жилая и торговая, возможно с элементами производства, застройка целостного периметра площади трапециевидной конфигурации; общественное «генеральное» пространство рынка внутри периметра, используемое под

функции: торговую разных видов, административную, культовую, гостиничную, транспортную, производственную, пешеходного движения, иных социальных контактов; разнохарактерные группы общественных построек внутри периметра площади, отдельно размещенные соответственно тенденциям готической планировки; отрезки коммуникаций или малые общественные пространства специального назначения, примыкающие к внутреннему пространству площади, сформированные общественными зданиями и жилой застройкой (рис. 5).

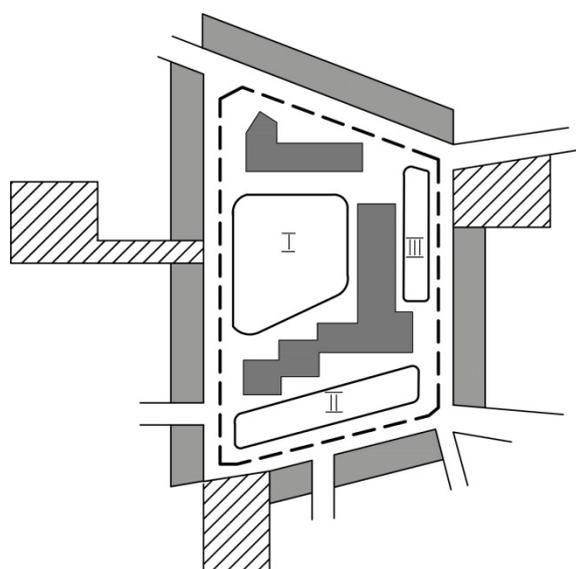

Рис. 5. Составные структурные элементы архитектурного комплекса главной площади

- общественная и жилищная застройка периметра площади
- общественная застройка во внутреннем пространстве площади
- малые общественные пространства специального назначения
- граница общественного генерального пространства площади
- I – западная пространственная зона
- II – южная пространственная зона
- III – восточная пространственная зона

Анализ планировки архитектурного комплекса главной площади и участков прилегающих коммуникаций выполнен в основном по картографическому документу конца XVIII в. Можно утверждать, что в конце XVI – начале XVII в. система планировки в подавляющем большинстве

своих свойств была такой же. Это вызвано следующими обстоятельствами:

- относительная стабильность владельческих прав горожан на элементы материальной среды в рамках феодальных общественных отношений и законодательных норм магдебургского права;
- устойчивая идеология традиционности и преемственности в решении различных проблем развития поселения;
- отсутствие на протяжении XVII–XVIII вв. значимых реконструктивных мероприятий в городской структуре, за исключением естественного расширения селитьбы вдоль уже сложившихся улиц и дорог на периферии поселения;
- широко распространенный прием строительства новых зданий на местах старых или с их расширением с использованием существующих частей строительных конструкций.

Периметр площади отличался плотной 1-2-х этажной застройкой, по традиции вмещавшей торговые и производственные помещения, выходившие во внутреннее пространство площади, и жилые помещения со стороны усадебного участка. Типичной чертой были интервалы между зданиями, в определенной мере обеспечивавшие визуальные связи внутреннего пространства площади с удаленными от него объектами городской среды.

Наиболее вероятно, площадь приближалась к плотности постановки строений в XVIII в. Известно, что в 1597 г. было 32 плаца застройки на периметре при среднем размере селитебного плаца 3,2 прута [9, с. 557]. Во внутреннем пространстве площади жилых усадеб не было.

С учетом указанных данных автором выполнена идеализированная графическая реконструкция размещения селитебных плацов в комплексе застройки площади (рис. 6).

Допущением является то, что все участки, выходившие на периметр, приняты одинаковыми по своей площади и протяженности фронта участка на периметре.

Отсутствие данных о конкретных размерах и особенностях постановки жилых

домов на селитебных плацах не позволяет сделать подробную графическую реконструкцию планировки периметра площади.

В отличие от многих малых городских поселений ВКЛ, непосредственно в структуре периметра не возникли культовые здания, что в функциональном и идейно-художественном отношении было бы естественным.

Храмы отстояли от линий застройки площади внутрь кварталов на 25-75 м. Это обстоятельство служит косвенным доказательством формирования площади в сложившемся средовом контексте, когда места культовых построек уже определились ранее.

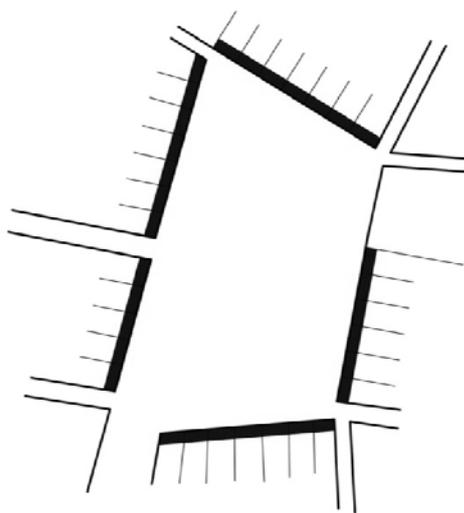

Рис. 6. Графическая реконструкция размещения селитебных плацов в комплексе застройки площади

- – селитебный (селибный) плац
- – огородный плац

Структура застройки и общественных пространств внутри трапециевидной формы площади подтверждает типичный для готического градостроительства функционально-композиционный принцип организации всего внутреннего пространства. Размещение объемов носило «антицентрический» характер, они были асимметрично сдвинуты к периметру площади. Эта «центробежная» тенденция дополнялась наличием отдельных разномасштабных, различных по назначению и

планировочным очертаниям, но взаимосвязанных отдельных пространственных зон, что вообще свойственно средневековому градостроительству.

На планах конца XVIII в. и 1809 г. указано место размещения ратуши, находящейся в группе небольших объемов посередине площади. Отчетливо прослеживаются торговые лавки в виде двух симметрично поставленных протяженных объемов с узким проходом между ними. Возле северной стороны площади размещалась еврейская корчма, отличавшаяся от других зданий большей длиной и шириной корпуса.

В рамках трапециевидного контура наблюдались три основные внутренние пространственные зоны. Западная зона формировалась западной стороной площади, западным корпусом торговых лавок, корчмой и, на юге, группой трех малых построек. Южная зона была образована западной, восточной и южной сторонами площади, а также указанной группой малых строений. В эту зону выходили торцами корпуса торговых лавок. Ратуша, традиционно небольшая в плане, выходила своими фасадами одновременно в обе пространственные зоны – западную и южную. Западная и южная зоны по отдельности помечены в экспликации к плану города конца XVIII в. как «рынок». Третья зона – восточная, была меньше других и ограничивалась, в основном, восточным корпусом торговых лавок и восточной стороной площади (рис. 6).

Западная пространственная зона вместе с формирующими ее зданиями носила торгово-гостинично-административное назначение, возможно, с небольшой долей производственного. Южная зона носила то же назначение, за исключением гостиничного. Восточная зона имела торговую функцию, а также – культовую, поскольку в нее выходил двор «костела шпитального». Жилая функция, свойственная застройке периметра площади, осуществлялась как в зданиях, так и на усадебных участках внутри прилегающих к площади кварталов.

Кроме регулярного средневекового, трапециевидного пространства в состав комплекса застройки рынка входила малая предхрамовая площадь Г-подобной структуры возле церкви Св. Петра. Ее можно определить как полуоткрытую, по принципу «перетекания» пространства связанную с главным пространством площади.

На плане конца XVIII в. в местах выхода в пространство площади улиц Пинской, Слушной, Губернской, Ратенской и Малой Свинской изображены небольшие объемы, перекрывающие собой проезжие части. Возможно, это были брамы, где взимались пошлины с приезжающих торговцев или находились весовые. Вероятно, такой архитектурный элемент рыночной площади имел более древнее происхождение, относящееся к XVI-XVII вв.

Особенность общественного центра – обширная квадратная административная площадь среди квартальной застройки, к востоку от комплекса сооружений при шпитальном костеле. В экспликации к плану города она помечена как площадь, где «дом с флигелями Кобринского подкамория Райского, в котором городской и земский суды держатся». Вероятно, пространство площади использовалось для собраний горожан перед зданиями судов и других мероприятий.

Несомненно, регулярная конфигурация административной площади, к концу XVIII в. искаженная размещением малых построек в ее южной части, возникла одновременно с регулярными очертаниями главного торгового центра. На плане города конца XVIII в. еще прослеживается первоначально заложенное примыкание двух улиц – Малой Свинской и Огородницкой – к углам площади как продолжений ее южной и северной сторон.

В первой половине XIX в., эпоху классицизма город получил развитие, была проведена реконструкция и расширение его периферийных территорий. Планировочная система центрального района почти не изменилась, поскольку уже имела геометризованный характер. Незначи-

тельные изменения на отдельных участках не повлияли на общую картину правильности и регулярности структуры средневекового происхождения.

Заключение. В результате анализа литературных и историко-картографических источников, натурного исследования городской среды центральной части Кобрина выявлена система принципов пространственной организации общественного центра малого городского поселения с регулярной планировкой в средневековых традициях. В указанной системе отметим следующее.

Принципом пространственной организации общественного центра малого городского поселения XVI – XVII вв. с регулярной планировкой средневекового характера являлся разнообразный набор составных градостроительных элементов, в своей функциональной и композиционной целостности образующих центр. Определен наиболее полный и типичный состав градостроительных элементов центра, который включал:

Верхний замок (бывший детинец) – территорию на повышенном рельефе с культовыми, гражданскими, рядовыми жилыми, хозяйственными и другими постройками, окруженную линией оборонительных сооружений;

Нижний замок (бывший окольный город) – территорию на повышенном рельефе, иногда, превышающую по размерам Верхний замок, с культовыми, гражданскими, жилыми, хозяйственными и другими постройками, окруженную линией оборонительных сооружений;

– комплекс застройки главной, полифункциональной площади регулярных очертаний с ратушей, культовыми, торговыми, жилыми и другими постройками;

– комплексы жилой и иной застройки улиц – коммуникационных путей, связывающих вышеперечисленные элементы общественного центра;

– комплекс застройки административной площади.

Важнейшим принципом размещения и дальнейшего формирования площади ре-

гулярных очертаний при проведении реконструкции территории со свободно сложившейся планировкой или новом строительстве была нацеленность на создание архитектурного ансамбля элементов городской среды.

Литература

1. Чантурия, Ю. В. Чантурия, Ю. В. Белорусское градостроительное искусство: средневековое наследие, ренессанс барокко, классицизм в системе европейского зодчества / Ю. В. Чантурия. – Минск: Беларуская навука, 2017. – 503 с.: ил.
2. Якимович, Ю. А. Зодчество Белоруссии XVI – середины XVII в.: справ. пособие / Ю. А. Якимович. Минск: Навука і тэхніка, 1991. 368 с.
3. Шпилевский, П. Путешествие по Польсю и Белорусскому краю / П. Шпилевский. Минск: Польша, 1999. 251 с.
4. Живописная Россия / под общ. ред. П. П. Семенова. СПб.: Изд-во М. Вольфа, 1882. Т. 3. 490+VI с.
5. Россия: полное географическое описание нашего отечества. Верхнее Поднепровье и Белоруссия / под ред. В. П. Семенова. СПб.: Изд. Девриена, 1905. Т. 9. IV+620 с.
6. Бобровский, П. О. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба: Гродненская губерния. Ч. 2: Приложения / П. Бобровский. СПб.: Тип. Департамента Ген. штаба, 1863. VI+302+72 с.
7. Ревизия Кобринской экономики, составленная в 1563 году королевским ревизором Дмит-

рием Сапегою, с присовокуплением актов Брагского земского суда, относящихся к Кобринской архимандрии. Вильна, 1876. Тип. А. Г. Сыркина. Предисловие, с. IV

8. Акты, издаваемые Виленской комиссией для разбора древних актов: в 39 т. Вильна: Вилен. Археограф. комиссия, 1888 / Инвентарь Кобринского староства (его доходы и проч.), составленный ревизорами Мальхером Райским, Даниилом Домарацким и Ярошем Зверем, т. 14, 1888. – с. 557 – 560.

9. Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси: в 14 т. Вильно: Изд. Управл. Вилен. учебн. округа, 1867-1904. Т. I-XIV.

10. Свод памятников истории и культуры Белоруссии: Брестская область. Минск: БелСЭ, 1990. 424 с.

FORMATION OF A PUBLIC CENTER OF A SMALL URBAN SETTLEMENT OF BELARUS DURING THE DEVELOPMENT OF A REGULAR MEDIEVAL URBAN CULTURE (ON THE EXAMPLE OF KOBRIN)

Yanush Alesia

Belarusian National Technical University

The purpose of this research is to characterize the historical development of the planning structure and the main building of Kobrin in the XVI – XVII centuries, to identify the principles of regular medieval urban planning embodied in the formation of the central part of the city.

Поступила в редакцию 31.01.2020 г.

УДК 711.58

CITY MOBILITY AND COMPLETE PUBLIC SPACE IN MODERN CITY. CASE STUDY OF THE CITY CENTRE OF POZNAN, POLAND

Bartosz Kaźmierczak

Assistant professor, Institute of Architecture, Urban Planning and Heritage Preservation, Faculty of Architecture Poznan University of Technology

The article concerns the questions of the role of communication system in terms of creation of the places for people within a public space. There is presented a question of possibility and need of complete places which satisfy not only basic communication requirements but above all answer the pedestrians needs. There is accentuated the urgency in terms of searching for the best spatial solutions within a city and its centre to provide well-balanced and sustainable solutions concerning walkable and livable cities. The paper touches especially chosen issues of Poznan city centre, in Poland.

Introduction. Sustainable transport and well-balanced housing policy is, apart from spatial education, the basic pillar of urban

renewal processes. It is considered that contemporary cities are the residence for most people in the world. They should therefore be the subject of special care, both for city authorities and residents. Cities are also hubs of cultural life and the main centers of economic activities. The global domination of cities shows not only the dynamics of changes in the organization of space for living, but also reveals new phenomena of contrasts. It means that large urban clusters generate semantically dual spaces which are full of contradictions. It is observed the visible contrast